18+

МИТОХОНДРИИ *МОЕЙ ДУШИ*

Когда особенное материнство приходит дважды

САВИНКИНА АННА

18+

Анна Савинкина
Митохондрии моей души

https://litres.ru/74986574
ISBN 9785007180443

Аннотация

Книга-исповедь Анны Савинкиной — матери, воспитывающей двух детей с редким системным митохондриальным заболеванием.

Это история о жизни, в которой любовь к детям соседствует со страхом за их будущее, боль — с надеждой, а ежедневная забота требует сил, которые порой неоткуда взять.

Анна честно рассказывает о переживании несправедливости, поиске принятия и том, что помогает ей жить дальше: быть рядом с близкими, дарить им тепло и находить смысл в каждом новом дне.

Содержание

От автора 5
Часть 1. Посадка на изнанку Рая 7
Глава 1. Несправедливая несправедливость 7
Глава 2. Роды длиною в 25 часов 19
Глава 3. Старый разбойник 33
Глава 4. Скоро всё пройдёт 41
Глава 5. Прыжок в бездну 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Митохондрии моей души

Анна Савинкина

Дизайнер обложки Ирина Резниченко
Редактор Александра Демакова

© Анна Савинкина, 2026
© Ирина Резниченко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-8044-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга — разговор с тишиной. С тишиной, которая встречает тебя в кабинете врача и медленно заполняет жизнь, когда остаёшься один на один со своим горем.

Эта книга об особом материнстве. О том, как оно случилось со мной дважды с разницей в четыре года. О детях с тяжёлыми диагнозами, которые перевернули мою жизнь и научили видеть мир по-другому. Эта книга о переживаниях, которые по-своему расширяют человека изнутри. О несправедливости, обидах, страхе и боли, которые не перемололи меня, а показали, что можно вместить в себя столько всего и не сломаться. И о том, как именно это возможно.

Я не писатель. Я — мама. Я никогда не думала, что напишу книгу. Но когда судьба проводит тебя по особенному пути во второй раз, внутри что-то меняется. В определённый момент я поняла, что не могу не поделиться своим опытом. То, что я прожила, стало слишком большим, чтобы носить только в себе. И я захотела рассказать — просто рассказать, без советов и инструкций «как надо». Эта книга не психологический инструмент, не сборник медицинских рекомендаций. Это часть моего пути. Я верю, что она станет для кого-то полезной и вовремя окажется в руках своего читателя.

Каждый эпизод из моей жизни, описанный в этой книге, нашёл своё место здесь не просто так. Эти истории повлия-

ли на моё становление. И с каждой следующей я всё больше становилась собой — той самой, что есть сейчас.

В моей жизни, как и в жизни каждой особенной мамы, как и в каждой жизни вообще, случались разные периоды. Некоторые из них были очень тяжёлыми. В некоторые из них меня посещали самые чёрные мысли. Но история моя, в первую очередь, — о жизни, о том, как идти дальше, даже если сейчас ты падаешь.

Я писала эту книгу не потому, что знаю ответы. А потому что у меня есть этот путь. Честный рассказ о том, как можно собрать себя по кусочкам, когда реальность разбивает ожидания. О буднях, где находится место слезам и смеху, усталости, отчаянию и смыслу. И, возможно, в этих строках кто-то узнает себя: свои сомнения, свою боль, своё отчаяние. Кому-то станет легче хотя бы оттого, что он не один. Кто-то поймёт, что можно выстоять, обрести радость в мелочах и увидеть свет там, где очень темно.

Имена, указанные в книге, изменены: надеюсь, мой читатель поймёт, почему я приняла такое решение. В конечном итоге, не так уж и важно, кого и как зовут. Это ведь не обличительная публикация. Это простая исповедь мамы, написанная без прикрас и литературных амбиций.

Мой разговор с тишиной, который я отдаю вам.

Часть 1. Посадка на изнанку Рая

Глава 1. Несправедливая несправедливость

Жила-была девочка Аня, и мечтала она стать следователем. Но никто не рассказал ей, что не всем мечтам суждено исполниться. Об этом ей рассказала сама жизнь.

Мне было семнадцать, когда я поступила на юридический факультет. Золотая медаль, светлая голова, желание стать грамотным специалистом — и… этого оказалось недостаточно, чтобы поступить в университет на бюджетной основе. Познакомившись с ребятами в группе, я узнала, что их баллы за экзамены были гораздо ниже моих, но они будут учиться бесплатно, а я — нет. В голове звучали вопросы: «Почему так? Где справедливость?» Одногруппники хитро отводили взгляды, уверенно врали, что поступали сами. А я, девочка из провинциального городка, впервые столкнулась с детьми из состоятельных семей, которые всегда знали, что родители договорятся и решат любые проблемы.

Моя семья была среднестатистической. Мы жили без каких-либо излишеств, не знали роскоши, не имели влиятельных знакомых. Мама долгое время воспитывала нас с сест-

рой одна. Я привыкла добиваться всего сама. Именно поэтому хорошо училась в школе, была в активе нашего города. С детства я понимала, что нужно рассчитывать на себя — свой ум, творческие способности, навыки общения. Но реальность оказалась другой, и все эти качества никак не помогли мне при поступлении в университет. В реальности многое решала власть, в том числе материальная. Когда меня не оказалось в первых конкурсных списках на поступление, мама всё-таки нашла возможность оплачивать обучение, и я поступила в университет, чтобы в будущем стать юристом. Так у меня появилась возможность столкнуться с разнообразными несправедливостями и тяготами студенчества, а было их немало.

Путь под названием «юрист» длиною в пять лет походил на восхождение в гору. На первом году обучения я была растеряна, хоть мне и удалось найти друзей. На экзаменах я переживала, особенно когда получила первое в своей жизни «удовлетворительно». Тогда я ещё не догадывалась, что у этой оценки есть глубокий смысл. Я и подумать не могла, что когда-то буду мечтать именно о такой записи в медкартах у собственных детей. Это придёт позже. А пока удовлетворительные отметки действовали на меня вообще неудовлетворительно. Девочка-отличница вдруг скатилась до троек! Очередное разочарование. Меня спасала только мысль, что на последнем курсе я смогу пересдать заваленные предметы. Эта идея поддерживала меня. «Ещё будет бой, где ты

сможешь победить!»

В последующие годы восхождение в гору стало более приятным. Адаптация проходила успешно. Я перестала трястись и забывать на экзамене всё, что знала до этого. Учёба давалась мне всё легче. К четвёртому курсу я уже понимала, где хочу работать и какую специализацию выберу. Я мечтала работать не где-нибудь, а в следствии. «Я выберу уголовно-правовую специализацию!» — заявляла я. Это казалось лучшим решением на тот момент.

Вдохновилась ли я образами из криминальных сериалов? Нет. Были ли в моём окружении люди, связанные с этой специальностью? Тоже нет. В более юном возрасте я вообще мечтала стать врачом, но ближе к десятому классу мама спросила, где бы я хотела учиться, на экономическом или юридическом. Я выбрала второе, а после пришла и к уголовному праву. Позже, получая второе высшее образование и глубоко погрузившись в мир психологии, я узнала, почему именно эта работа казалась мне тогда такой привлекательной. Но пока меня просто притягивали все места практики, я вникала в каждый нюанс. Мне хотелось стать частью системы. Так и произошло.

На последнем курсе я приближалась к вершине горы. В зачётной книжке ровными рядами стояли «отлично», я пересдала трояки с первого курса. Сдав государственные экзамены на высший балл, я готовилась к защите диплома. Девочка Аня добралась почти до самого верха. В своём проекте я

была уверена, на защите отлично доложила свои исследования и выводы. Там присутствовали представители нескольких государственных структур, они отбирали кандидатов на работу.

Меня пригласили на собеседования в несколько учреждений. Я пошла только в одно, так как в своих мечтах уже работала именно там. И… меня приняли! Я была по-настоящему счастлива. Пять лет упорного труда: бессонные ночи перед экзаменами, большие объёмы материала, многочасовые практики. Я добилась всего сама! Эта мысль придавала мне уверенности.

Через несколько месяцев на работе я познакомилась со своим будущим мужем. Спустя годы я буду напоминать себе, что ни профессия, ни место работы не были случайными. Судьба готовила нам встречу именно в этих стенах. Жизнь на вершине горы продолжалась. Хоть я пока и не занимала желаемую должность, главное — я была внутри системы мечты.

Спустя некоторое время мы с мужем оказались в разных городах. Ездили друг к другу в гости только на выходные. Но несмотря на это думали о семье, детях и счастливом будущем. Ничего не предвещало беды. Узнав о беременности, мы радовались и ждали встречи с ребёнком. И всё было вроде как в старых добрых фильмах со счастливым концом. Моя беременность протекала идеально. Я ощущала лёгкость, с удовольствием работала и строила планы на будущее. Каким я его видела? О, я представляла это будущее в ярких крас-

ках. Меня даже не так сильно волновал вопрос, где мы будем жить. У меня не было притязаний на роскошные апартаменты. Больше всего я ждала, когда наша семья объединится и мы с мужем сможем жить в одном городе, дожидаться рождения нашего малыша. До декрета осталось доработать всего ничего.

На моей работе мечты позаботились о скорейшем переезде. Была пятница. Последний день перед выходными, рабочее время сокращено, срочные дела нужно сдать как можно быстрее. Раздался звонок, я быстро ответила. Звонили из бухгалтерии.

— Анна Владимировна, вы в понедельник к нам приедете? Пришёл приказ о вашем увольнении. Так неожиданно.

— Да.

Я даже не помню, как ответила это сухое «Да». Приказ? Меня же никто не уведомлял. Меня никто не предупредил. Я на двадцать седьмой неделе беременности. Три недели до декрета, три недели до оформления выплат, на которые, конечно, мы рассчитывали. Я вмиг полетела с вершины той самой горы, на которую так долго карабкалась. Плюхалась округлившимся животом о корни деревьев, растущих на пути. Меня будто оглушили. Такого предательства не ожидаешь. Я даже не представляю, что творилось в голове и душе у тех людей, которые за моей спиной провернули такое дело. И

была ли у них душа?

Беременность — самое уязвимое время для женщины. Ты носишь в себе новую жизнь. Тебе сотни раз изо всех утюгов кричат: «Главное — не нервничайте!» Как? Как можно не переживать? Ты буквально соткана из переживаний. На работе прислали срочное задание — переживание номер раз! Ужалила пчела, мгновенная аллергическая реакция — номер два! Три — тебя уволили с работы мечты. За спиной случился заговор. Шёпотом, на цыпочках коллектив прощался со мной.

Тогда я замёрзла. Все вокруг дышали, радовались жизни, иногда грустили. Но жили! Мои чувства застыли в одну из пятниц августа 2012 года. Я не помню, как доработала в тот день. Мама только твердила, чтобы я ничего не подписывала. А я не могла бороться. Сложно представить, как женщина с животом наперевес вступает на поле боя с системой, очень сложно. И зачем? Ценность остаться хоть в каком-то спокойствии перевесила все доводы родственников. Я отказалась от боя.

Не позвони мне неопытная бухгалтер, не проболтайся она, как бы я пережила эту новость в момент увольнения? Та молодая девушка спасла меня от удара, дала возможность попробовать несправедливость на вкус, а не захлебнуться ей. Но всё равно было очень горько, невыносимо горько.

На следующий день была свадьба моей дорогой подруги, это событие скрасило ожидание понедельника. У нас с му-

жем не было стратегии. Он, мудрый и стойкий к страданиям, подбадривал меня.

— Значит, так должно быть.

— Как должно быть? Меня, беременную, должны вышвырнуть с работы?

Я пыталась примерить на себя эти мудрствования. Размер не мой, уж больно узкий фасон. Я не привыкла к несправедливости, не окрепла ещё. Никак не могла смириться с реальностью, но и выходить на поле боя тоже не планировала.

В ближайший понедельник — без опоздания, как и было принято в моей жизни, — я явилась для оглашения приговора «Вы уволены с работы мечты!» Именно так я восприняла этот удар — как увольнение. На деле, конечно, я подписала необходимые документы, в которых было напечатано «по собственному желанию». Я проиграла в битве, так и не вступив в неё.

Казалось, это просто сон, который скоро закончится. Ночь сменит утро, я снова пойду на работу. Через несколько недель мне оформят документы для полагающихся выплат и я спокойно отправлюсь в декретный отпуск. Отпуск, где есть место радостям, приятным открытиям, знакомству с миром материнства. Но чуда не произошло. Реальность была другой, какой-то уж очень *несправедливой*.

Удивление, растерянность, страх, безысходность — вот

что я чувствовала тогда. Как можно быть такими жестокими? Как эта большая группа влиятельных людей, которые принимали решение, оказалась такой *единодушно* хладнокровной? Ответа на вопрос, конечно, не было. И до сих пор нет. Стоя в кабинете и выслушивая инструкцию по заполнению документов, я была беззащитной перед системой. Измученная собственными переживаниями, я мало походила на счастливую беременную женщину. Но на одну минуту к этим женщинам зашла на разговор совесть. Одна из них внезапно сказала:

— У тебя будет возможность оставлять малыша с кем-то? Мы хотим предложить тебе работу здесь, в Чебоксарах. Вы же с семьёй будете жить здесь?

— Да, думаю, мы найдём возможность.

— Тогда мы не будем сдавать твоё личное дело в архив. Через несколько месяцев встретимся снова.

— Хорошо.

— Я узнавала в социальной службе, тебе выплатят такие же суммы, что и выплатила бы наша организация.

— Хорошо.

Это «*хорошо*» было щитом от армии бездушных монстров. Нападение на беззащитное существо — высший пилотаж для взрослых людей. Почти у каждого из них на тот момент были дети. Кто-то из них проживал беременность.

И каждый понимал, что дети — это трудности. Но тогда почему они не дали мне доработать всего несколько недель? Я до сих пор иногда задаю себе этот вопрос. Система нападала первой, чтобы не стать уязвимой. Она выплюнула слабую единицу. Я была проблемой, с которой пришлось бы разбираться. Непредвиденные больничные, оформление дополнительных документов — мало кому интересно заниматься чужими проблемами, даже когда это твоя работа.

Я вышла из здания и побрела без оглядки. Шла по центральным улицам, смотрела в окна встречавшихся на пути зданий. Люди в окнах были заняты делом. А какое дело теперь есть у меня? Чем мне теперь заниматься? Да, родится малыш, я стану мамой. А как же работа? Где теперь я буду работать? Я понимала, что они не примут меня назад. Я чувствовала, что не вернусь в систему. Сейчас могу сказать, что это дело чести! Решение, принятое собственной волей. В далёком 2012 году что-то подсказывало мне свыше на неосязаемом уровне: «Аня, оставь это место и иди вперёд!» Моим главным делом было доносить беременность и родить сына. Что ж, принято.

Мир беременных должен быть прекрасным, как на картинках в женской консультации! Там приятно округлившиеся женщины улыбаются, гуляют на природе, гладят свои животики и с предвкушением ожидают появления малышей. Я мало походила на жизнерадостного человека в преддверии чуда. Я уже не ждала никаких чудес, лишь с робкой надеж-

дой думала о рождении ребёнка. Мы с мужем начали активную подготовку: закупали одежду, мебель, коляску.

Одновременно с приятными хлопотами меня ожидали унизительные посещения различных организаций. Чтобы оплатить приданое будущего наследника, предстояло оформить выплаты. Я должна была на некоторое время стать безработной. Официально безработной.

Когда я обратилась в центр занятости, удивлению сотрудников не было предела:

— Они что, не могли вам выплатить декретные и потом оформить увольнение?

Я, опустив голову, даже не знала, что ответить. Сотрудники продолжали:

— У вас была хорошая зарплата, вы бы могли получить хорошую сумму. Сейчас вы получите в разы меньше.

Никуда та представительница системы, конечно, не звонила и ничего не узнавала. Всё это бросили в мой адрес для отвода глаз, для заполучения подписи. Это участие и псевдосочувствие оказались лишь очередным враньём и плевком с высоты.

Со стыдом за пазухой я должна была обойти несколько работодателей в городе и получить подписи об отсутствии

вакансий, это требовалось для постановки на учёт в качестве безработной. Это был настоящий абсурд. Первым в организацию входил живот, потом я, уволившаяся из системы пару дней назад по собственному желанию дама с хорошей зарплатой. На меня, прямо скажем, смотрели с недоумением и множеством вопросов, которые не озвучивались.

В конце концов я была признана безработной. Ходила отмечаться раз в несколько дней, как отмечаются условно осуждённые люди. Я бы не хотела пережить это снова. Понимающие взгляды и фразы работников центра занятости поддерживали меня тогда, мол, «немного осталось, потерпите». И я терпела. Видимо, эти события закаляли меня, учили быть сильной, не сдаваться. Но быть не воином-штурмовиком, а мудрым борцом за собственное будущее.

Спустя несколько лет я встречу ту самую женщину из системы на благотворительной ярмарке. Мы продавали разные товары, чтобы организовать для наших особенных детей новогодний праздник. В её взгляде читалась вина. Она была причастна к несправедливой несправедливости. На тот момент я уже приняла состояние сына и жила активную особенную жизнь. Мне даже было немного жаль ту женщину из прошлого.

Тему несправедливости, обиды в личной психотерапии я поднимала неоднократно. Я прощала ту женщину несколько раз, потому что сделать это с первой попытки оказалось просто невозможно. Простила. Других участников заговора

я тоже встречала в течение жизни: кто-то бегло здоровался при встрече, кто-то интересовался состоянием детей, кто-то поздравлял с праздниками как ни в чём не бывало. Их я тоже простила. Теперь я благодарна за опыт, пусть и непростой. Было сложно, но я справилась.

Глава 2. Роды длиною в 25 часов

Итак, мой новый статус — «безработная». События последних дней не придавали уверенности. Единственное, что я знала наверняка, — я беременна и сейчас очень нужна своему малышу. Кто ты? Мальчик, девочка? Мы не ждали кого-то определённого — и мальчику, и девочке обрадовались бы одинаково сильно. Я хотела получить свою порцию дофамина и записалась на УЗИ в ведущий перинатальный центр. Я ждала свидания с малышом, очередного знакомства через экран.

Пришла к назначенному времени. Осматривала меня опытная доктор. Она долго изучала видео ребёнка на экране. Показатели отклонялись от нормы. Мне поставили диагноз «маловодие». Но акцента на этом она не сделала, поэтому большого значения её словам я не придала. Я шла за конкретной новостью — я её получила. Остальное осталось эхом в моей голове.

— А кто у нас будет?
— Мальчик.
— Так здорово, спасибо.

Забрав результат, я вышла на улицу и, конечно, позвонила мужу. Он очень обрадовался такой новости! Да и все осталь-

ные были очень счастливы, дедушка особенно обрадовался наследнику. Это был первый внук в нашей большой семье. Мы стали ждать встречи с сыном. Но ещё не подозревали, через что придётся пройти до неё. Да и после… Но летом 2012 года мы были вдохновлены предстоящим.

В тот период я всё ещё была прикреплена к консультации в родном маленьком городке. Результаты УЗИ я понесла на очередной приём. Он должен был быть последним, а дальше — официальный переезд в другой город и прикрепление к новой больнице. Врач, увидев заключение, порекомендовала лечь в больницу на лечение.

— Ситуация серьёзная, нужно госпитализироваться.

— А что именно плохо?

— Ребёнок страдает. Нужно прокапать тебя, пролечить.

— Но я уже все вещи перевезла к мужу, у меня здесь даже халата нет.

— Придумай что-нибудь. В новом городе оформление документов займёт много времени. А время сейчас очень дорого для нас. Полежишь, подлечишься и поедешь спокойно к мужу.

— Хорошо.

Снова «хорошо». Я была готова потерпеть ради сына и на следующий день легла в роддом провинциального города. В

тот самый, где двадцать четыре года назад родились мой муж и я. Роддом был старым, неприметным, не внушающим доверия. Жуткие потёртые стены, старые кровати с пружинами: садишься и мигом достаёшь попой до пола — аттракцион, не меньше. Одновременно со мной поступила женщина с такой же фамилией, в администрации долго разбирались с анализами и документами. Она пришла рожать, я пока рожать не планировала. Нас перераспределили по этажам. Меня — к беременным на сохранение, её — в родблок.

В тех стенах мне было безумно одиноко. Да, это родной город, сестра и мама могли принести мне всё необходимое. Мысленно я уже переехала, жила с мужем полноценной семьёй, готовила уголок для сына в квартире. Но реальность была далека от фантазий. Я лежала на старой кровати в больничных стенах, где, собственно говоря, и лечения-то толком никакого не проводили. Меня спасала от одиночества подруга, которая как раз в этот период родила дочку. Мы встречались на этаже и долго разговаривали. Объятия родного человека — всё, что мне тогда было нужно.

Спустя несколько дней меня выписали. Я решила все бумажные вопросы и, наконец, переехала. Родители мужа помогли нам приобрести квартиру в спальном районе. В конце лета мы сделали небольшой ремонт, обустроили уголок для будущего ребёнка. Было спокойно и радостно — семья наконец воссоединилась. В этом городе было многое знакомо: пять лет студенчества прошли недалеко от нашего до-

ма. Однако женские консультации и родильные дома пока не значились в списке привычных мест. Началось знакомство с новой поликлиникой, её устоями и врачами. Однажды на приёме оказалась заменяющий врач. Она с большим вниманием отнеслась к моим анализам и УЗИ, отправила повторно пересдать всё необходимое и настояла на том, чтобы я легла в больницу. Внутренне я, конечно, сопротивлялась — кто же хочет лежать в стационаре по собственному желанию? Но речь шла о ребёнке, о жизни и здоровье сына. Эта же доктор позже будет наблюдать и сопровождать мою вторую беременность совсем в другой больнице. Но это произойдёт чуть позже.

Я взяла направление и отправилась в совершенно незнакомую клинику. Снова больничные стены. Но в отличие от родного города, этот роддом мог похвалиться современным ремонтом, приличными кроватями и медицинским персоналом, внушающим доверие. В палате случилась встреча с девочкой Леной. Именно «девочками» называют себя беременные женщины в роддоме, это снимает напряжение и добавляет какой-то детской лёгкости в этом серьёзном месте. Как родственные души, мы притянулись друг к другу и вместе переживали тревожные будни будущих мам. Мы завели тёплое общение — и вот одиночество уже не казалось таким мрачным. Разговоры были обычными, «беременными»: о диагнозах, лечении, предстоящих родах. Мы представляли, как впервые будем мамами, мамами сыновей. Как наши

малыши будут вместе играть в машинки, смотреть мультики и ходить друг к другу на дни рождения. Многие наши ожидания мы воплотим в жизнь, часами гуляя с колясками. А однажды совершенно случайно окажемся соседями, купив квартиры на соседних этажах новостройки. А пока, осенью 2012, мы лежали под капельницами, болтали без умолку и заказывали мужьям привезти разные вкусности, потому что кормили в том месте отвратно.

Через неделю меня выписали. Я оказалась дома! Родные стены, удобная кровать, детские вещички сына, вечерние прогулки с мужем — всё это помогало справиться, отвлечься от больничного путешествия. Внутри зрела уверенность, что всё будет хорошо. Я надеялась, что очередное лечение помогло, хоть и не понимала толком, что именно со мной и малышом и от чего конкретно нас лечили. Врачи говорили об инфекции. Мне было трудно их понять. Я не болела, какая инфекция? Эта правда не укладывалась у меня в голове. Я будто чувствовала, что есть другая причина. Но до знакомства с ней должно было пройти ещё немало времени.

В голове стояла ясная картинка счастливого материнства. Я рисовала себе прогулки с коляской, кормление малыша, колыбельные на ночь, семейные фотографии. Родительство казалось мне приятной наградой за те несправедливости, которые случились в последние годы. Я думала, что там обрету спокойствие, займу своё тёплое место.

Спустя несколько недель спокойной жизни дома, в нояб-

ре, меня направили в перинатальный центр для очередных процедур. Мы с врачами настроились на неделю пребывания, мне составили курс лечения.

— Через неделю выпишем, поедешь домой, отдохнёшь. Приедешь уже со схватками на роды.

— Хорошо.

На самом деле я смутно понимала, как выяснить, что у тебя начались настоящие схватки, что ощущается при родах и как и куда именно я должна буду приехать. Планов было много: рожать в другом роддоме, родить в декабре, первого, в крайнем случае — третьего числа. «Рожу в первый день зимы или в день юриста, это так символично». Прекрасная идея! Но жизнь распорядилась иначе. Позже я научусь мастерски перестраивать своё расписание в одно мгновение. А иногда никаких планов просто не будет: так окажется легче.

Прошла уже привычная неделя лечения. Меня вызвали на контрольный осмотр перед выпиской.

— Сейчас мы тебя посмотрим, — сказала врач. И неожиданно добавила: *— Ребята, проходите*.

В смотровую зашли студенты. Их было человек пять: девушки и юноши. После осмотра доктор заявила, что рожу я ещё не скоро, завтра можно будет ехать домой догуливать беременность до схваток. А дальше все пятеро будущих медиков проверили, как именно опытная врач определила, что

можно отпускать меня на волю. Это было унижение высшей пробы. Они по очереди осматривали меня тем самым способом, каким обычно осматривают гинекологи. Каждый из них стряпал умное выражение лица и бормотал что-то типа «ага», когда заканчивал манипуляцию. Вряд ли они понимали хоть что-нибудь.

Я отправилась в палату, в то место, где могла скрыться от стыда. Я собиралась дожить этот день после драматической сцены в укромном уголке. Там меня встретила девочка Ирина. Она по-доброму спросила, как у меня дела. Поделившись радостной новостью, что меня отправляют домой, я не сдержалась и пожаловалась на то, что меня осматривала целая ординаторская. Стало немного, но легче. Я пыталась себя успокоить, шутила с соседкой по палате, чтобы немного отвлечься от прожитого унижения. Ближе к восьми вечера утренние события стали забываться. И тогда у меня начались схватки, чего и стоило ожидать после неаккуратного осмотра столькими людьми. До родов оставалось две недели, но у сына были другие планы. Он собирался появиться на свет в ближайшее время. Я почувствовала боль, которая током прошибала всё тело. Боль эта быстро становилась невыносимой. Ирина растирала мне поясницу — оказывается, так легче переживать роды. Её поддержка в тот момент очень помогла: девушка была спокойна, настойчива и по любому вопросу вызывала медсестёр.

Ближе к девяти вечера медсёстры, глядя на моё измож-

дённое лицо, сжалились надо мной. Они, предупредив врачей родильного отделения, повели моё обессилевшее тело на осмотр. Врач мастерски исследовала меня и провозгласила:

— Всё наглухо закрыто! У тебя тренировочные схватки.

Тренировка? Если это тренировка, то какими будут настоящие схватки?! Это меня действительно пугало. Тогда ещё никто не мог предположить, что из-за маловодия роды будут затяжными и мучительными. И я этого знать не могла. С трудом смирившись с тем, что роды начнутся ещё не скоро, я спустилась в палату. Всех соседей ждала бессонная ночь. Я «тренировалась» изо всех сил, как спортсмен перед важными соревнованиями.

В процессе родов женщина находится в уязвимом состоянии. Ты остаёшься наедине со своей болью, беспомощностью, отсутствием контроля. Всем заправляют природа и врачи, а доля твоего участия ограничена терпением. Я плохо справлялась с тренировкой: оказалось, что терпеть физическую боль у меня получается плохо.

К чему готовили меня такие сложные роды? Для чего были все эти многочасовые схватки? Меня ждала тяжёлая жизнь, тяжёлая безо всяких прикрас. Эти роды оказались лишь испытанием на прочность. Выдержу или сдамся? Стану сильной или сломаюсь?

Ночь была похожа на полосу препятствий. Неудобная по-

душка, кровать, которая истошно скрипела при малейшей попытке пошевелиться. Я пыталась лежать неподвижно, но эту задачу провалила. Боль то нарастала, то снижала обороты: эти качели не давали возможности поспать ни мне, ни моим беременным соседкам. Стояла глубокая осенняя ночь, весь персонал крепко спал, будить кого-то из-за своих аттракционов неприятных ощущений было неудобно. Так я дожила до утра.

В утренней суматохе я в сопровождении медсестры отправилась на осмотр в отделение, где начинаются новые жизни. Меня снова осмотрела та же доктор — её звали Светлана, и это имя я запомню на всю жизнь — и вынесла тот же приговор: «Не готова, ведите назад». В тот момент в смотровую зашёл мужчина в белом халате. Он был добряк с искренней улыбкой и светящимися глазами.

— Света, не бодайся. Оформляй!
— Ладно…
— Ты хоть позавтракала?

Я отрицательно покачала головой. Доктор-добряк вздохнул.

— Спустись в отделение, поешь, тебе ещё понадобятся силы сегодня.
— Я не хочу есть. Меня тошнит. Я даже пить толком

не могу. Я ничего не могу.

Это был крик о помощи. Я боялась, что, если вернусь, меня снова оставят в палате наедине с болью. «Только не бросайте меня, пожалуйста!» — всё внутри кричало лишь об этом. И меня не бросили, не развернули, забрали мои документы и оформили, за что я была благодарна.

Меня разместили в трёхместные апартаменты. Соседок не оказалось. Мне поставили капельницу, начались новые качели боли, только теперь повороты на них были круче и чаще. Периодически Светлана проверяла меня, осматривала, спрашивала о самочувствии. И вдруг позвала в смотровую. «Сейчас, — говорит, — ты будешь меня благодарить». И проколола плодный пузырь. Благодарности я не почувствовала никакой, но на всякий случай сказала: «Спасибо». Боль и до этого была невыносимой и интенсивной, так что, я должна благодарить за бóльшую боль? За облегчение от воды? Я смутно понимала, что происходит.

— Не так уж и мало у тебя воды. Непохоже на маловодие.

— Это же хорошо?

— Да.

Я бодрилась как могла. Мысль о том, что во время беременности всё было хорошо, что диагноз — просто ошибка, я

буду нести в себе на протяжении нескольких лет. Именно эта мысль будет греть меня, не даст сойти с ума. А надежда подарит возможность и безоговорочное согласие на рождение второго ребёнка. И корни этой уверенности проросли там, в далёком 2012.

На часах было около четырёх часов вечера. Я, как и моя доктор, была уверена, что мы скоро пойдём рожать. Но как же мы ошибались. Время шло катастрофически медленно, как идёт, когда чего-то очень ждёшь. Я практически не думала о сыне. Все мои мысли были о том, как бы дожить до родов. Я чувствовала, что силы тихо покидают меня. Я не ела и не спала вторые сутки.

Из родзалов раздавались крики рожениц, акушерок, потом — малышей. Жизнь шла своим чередом, на свет появлялись новые люди. Их мамы, пару минут назад будучи измученными, переживали облегчение и радость. Когда уже настанет мой черёд? Боль казалась нескончаемой. Не помню, в котором часу я стала громко кричать. Я больше ничего не могла. Только вопила так, чтобы пришли на помощь. Меня сопровождала замечательная акушерка Валентина. Она по-матерински поддерживала меня, приносила воды в бутылке.

— Анечка, потерпи, моя хорошая.

— Сколько ещё?

— Никто не знает, пока нужно терпеть и беречь силы. Когда ты кричишь, силы уходят, а тебе ещё рожать!

Тогда я брала себя в руки, вставала, обнимала стойку для капельницы и брела по коридору. Переживать боль в движении гораздо легче (этот опыт я возьму на вооружение — при встрече с диагнозами детей именно движение поможет мне выжить). В этом есть хоть малая капля свободы! Но хватало меня ненадолго. Наступило восемь вечера. К тому моменту я мало была похожа на молодую энергичную женщину, какими выглядели мои соседки по родблоку. Они поступали из приёмного покоя и за пару-тройку часов умудрялись обзавестись малышами. А я, как провожающий на вокзале, махала вслед уезжающим поездам.

Я побрела в ординаторскую. Позвала свою Светлану.

— Сделайте мне, пожалуйста, кесарево. Я больше не могу терпеть.

— Ты что? Меня же посадят!

Света, разумеется, не прониклась моей болью — сколько таких проходят через неё ежедневно. Я отправилась страдать дальше в свою трёхместную палату. Врач периодически навещала меня, помогала ускорить процесс. И вот на очередном осмотре она сказала самые долгожданные слова:

— Раскрытие восемь сантиметров. Идём рожать!

Я вскочила с больничной кровати, Валентина, оберегая, прошептала: «Не так быстро, Анечка». Мне хотелось освободиться от этой боли, длиною в двадцать пять часов. Я подошла к родзалу. Посмотрела за порог: стол для родов, холодные больничные стены, темнота за окном. Страшно. Я представила, как цепляюсь руками и ногами за входной проём, как меня от него отрывают врачи и ведут на роды. Рожать страшно, но терпеть эти муки — ещё страшнее.

Я улеглась на стол, советский, коричневый, с металлическими ручками. Вокруг меня собрался целый врачебный мир: акушерка Валентина, врач Светлана, педиатр и реаниматолог. Последний в этом списке меня особенно пугал. Его позвали заранее, видимо, доктор подозревала неладное.

Дальше начался новый виток. Я долго пыталась родить сына, Валентина изо всех сил помогала мне инструкциями. Моя голова уже мало что соображала.

Света с педиатром обсуждали сериал, интересный, наверное, — шёл по Первому каналу. Тем временем серия моего фильма подходила к концу, я очень хотела родить, но ничего не получалось. За окном падал первый снег. Была глубокая ночь.

Наконец они отвлеклись от беседы, подошли и с двух сторон надавили на живот. Их вмешательство потребовалось дважды. Они слаженно навалились на меня и своим опытом вытолкали сына.

Он родился. Не закричал. Врачи проводили манипуля-

ции, каждый — свою. Педиатр и реаниматолог откачивали малыша, акушерка занималась мной. Через пару минут сын закричал и его унесли. Я осталась одна в коридоре на каталке со льдом на животе и с чувством облегчения. Всё закончилось. Всё было позади.

В 23:27 я стала мамой. Мой активный путь к материнству длился больше суток. Долго? Очень долго.

Глава 3. Старый разбойник

На несколько ночных часов в палате я оказалась в уединении. Я обрадовалась: было важно провести остаток ночи в тишине. Наутро меня перевели в пятиместную палату. Бывали в такой? Пять счастливых мам и столько же здоровых малышей наслаждаются новым этапом жизни. Так, по крайней мере, задумывалось. В нашей палате в то утро оказалось четыре малыша и пять мам, но счастливы были отнюдь не все. Моего сына не приносили. Я понимала, что с ним не всё в порядке. Ещё ночью Валентина переживала, звонила в реанимацию, потом отрапортовала мне: «Сделали рентген, пневмонию не подтвердили». Сын лежал в детской палате, его наблюдали.

Находиться среди счастливых новоиспечённых мам было невыносимо. Они хлопотали вокруг своих детей, ласково укладывали их в кроватки, несмотря на собственные боли после родов. Я бы многое отдала, чтобы испытать то же самое! Всем звонили родственники, расспрашивали — в основном про малышей. Мне тоже звонили. Я с трудом отвечала на звонки и, сдерживая слёзы, говорила, что всё хорошо. Все поздравляли с рождением сыночка. Эти радостные реплики никак не ложились в голову, их хотелось отодвинуть до лучших времён.

Я прокручивала предыдущий день как киноплёнку. «Док-

тор Света отказывается сделать кесарево. Я кричу, сильно кричу, болит горло, голос осип. Никто не приходит… Я иду из последних сил по коридору с капельницей наперевес. Стою возле окна, рядом девочка, ей растирает поясницу знакомая акушерка. Вот бы Ирину сюда, она б мне тоже сделала массаж… Стою на входе в родзал. Мне страшно… Врачи обсуждают сериал, глядя в окно. Навалились, почти едут на мне верхом. Больно…»

В тот момент меня накрыла злость. Я испытывала ненависть к Светлане. Как она могла так поступить? Своими принципами чуть не убила нашего сына! Ей трудно было провести операцию? Она же понимала, что всё плохо кончится…

Я еле-еле побрела в сторону детского отделения в надежде увидеть своего сына. Ребёнка, который достался мне трудно и мучительно. И знаете, кого я увидела выходящей из детской палаты? Её, доктора Свету! Увидев меня, она ускорила шаг. Я остановила её, поздоровалась. Она старалась держаться спокойно.

— Как он?

— Неплохо.

— У него кровоизлияния?

— Что ты! Если бы были кровоизлияния, он бы был сейчас в реанимации. А он здесь, дышит сам.

Она скрылась из моего поля зрения. Её смена закончилась, но она пришла проведать детей. Почему? Я была уверена, что она боялась за последствия таких тяжёлых родов. Из-за врачебной ошибки мог сильно пострадать невинный малыш. Но она боялась не за ребёнка, а за себя. Иногда принципиальность и излишняя настойчивость играют против нас. Светлана не умела уступать, сдаваться, быть слабой. Она выбрала быть стальной леди за счёт возможностей моего организма. Но получилось то, что получилось.

Когда сын родился, его голова была вытянутой формы. Валентина причитала: «Серый как заяц (это она про цвет волос), две шишки, голова как огурец. Эх!» Позже я узнаю, что в моём случае не могло быть по-другому. Доктор Света или любой другой врач должны были сделать операцию. Но Бог решил иначе.

Я таила обиду на врача и с этой обидой не собиралась расставаться. Это чувство помогало мне быть сильной, правой, оно давало мне некую защиту перед миром врачей. Больше в тот год мне не довелось увидеться с обидчицей, но я и не искала повода для встреч.

Наш ребёнок находился в детской палате. Шёл третий день после родов. Уже целых три дня я была мамой, но ещё ни разу не держала на руках своего ребёнка. Мне его пока не отдали. Он был слаб, его хотели понаблюдать. Мне разрешили приходить к нему, приносить сцеженное молоко, брать на руки. Настоящий аттракцион невиданной щедрости! Одна-

жды меня позвали, чтобы сопроводить сына на рентген. Мне разрешили взять его на руки. Я крепко прижала сына к груди, я почувствовала, что ему холодно, а ещё он был мокрым. На мой вопрос, не забыли ли ему надеть подгузник, медсестра ответила отрицательно, мол, ничего не забыли. Когда мы зашли в кабинет и я распеленала ребёнка, то увидела, что он голышом лежал в пелёнке. Мой ребёнок никому не был нужен, кроме меня. В детской палате детей много — персонала мало. Как же здорово, когда малыши лежат в палате с мамами: в тепле, в любви, в близости!

Моя реальность была другой. В пятиместных апартаментах я находилась, увы, в одиночестве. Рядом со мной не было детской кроватки. Моё спальное место находилось в углу. Как изгнанный зверь из стаи, я жила в тишине и без внешних забот. Меня списали, будто бракованный товар: ко мне не приходила педиатр на осмотр, меня не приглашали на взвешивание, мной мало интересовались. Я ощущала это как бесцельное существование.

Очередная несправедливость. Почему они все с детьми, а я — нет? Почему им повезло? В момент этого страшного одиночества среди людей я думала, как бы сохранить себя, как бы не растерять последние нотки оптимизма. Тогда меня мало интересовало имя сына, его документы, его будущее. Я пыталась нащупать хоть какую-то почву, чтобы просто устоять. У меня было мало жизненных сил, во мне в целом сохранилось мало жизни. Я походила на ходячий труп.

Оживить меня могла лишь встреча с малышом. Я зашла в детскую палату в установленное для посещения время. Шесть утра. Медсестра детской палаты торжественно заявила: «Старый разбойник!» С улыбкой на лице она рассказывала про нашего сына. Оказалось, что всю ночь он сильно плакал, не давая спать ни деткам, ни работникам. За это они прозвали его именно так. И в его шутливом прозвище чувствовались любовь и искреннее внимание. Даже медсёстры назвали сына разбойником, а мы, родители, до сих пор не могли определиться с именем. Мы с мужем долго обсуждали этот вопрос. Мы не были ни в чём уверены. Было совершенно непонятно, когда мне отдадут малыша, когда нас выпишут домой и даже когда мне разрешат его кормить.

Новая задача, которую нам предстояло решить, придавала происходящему смысл и какое-никакое движение. Я перестала просто сидеть днями и ночами на кровати, глядя на соседских мам. Я тоже играла в счастливую маму с кучей забот. Я пыталась быть как они. Быть как все. В малейшем движении было спасение. И мы сдвинулись с точки.

— Всё-таки Гриша?
— Не знаю, наверное.
— Может, Давид.
— Точно нет.
— А Пётр? Будет Пётр Алексеевич, прям как император.
— Петя? Не подходит ему это имя.

Муж предлагал разные варианты. Мы всё же остановились на Грише. Наш старый разбойник с этого дня именовался Григорием, правда, документов у него пока не было.

Утром следующего дня я снова брела по больничному коридору. Да, я не сияла от счастья. Но я уже была не просто мамой малыша, который задержался дольше всех в детской палате. Не просто мамой Старого разбойника. Я мама сына по имени Гриша. В этот день мне разрешили покормить сына, а на следующий наконец отдали.

Мы воссоединились с малышом. Я мечтала об этом последние пять долгих дней! Казалось, я уже всему научилась, глядя на четырёх своих соседок. Я лихо справлялась. Теперь я была как все. Рядом со мной стояла детская кроватка, а в ней лежал кряхтящий комочек. Педиатр теперь не обходила нас стороной, приглашала на взвешивание и на очередное обследование. Но к приятным хлопотам добавились заключения специалистов. После УЗИ головного мозга нам вынесли приговор: внутрижелудочковые кровоизлияния, травматическое поражение центральной нервной системы! Значит, доктор Света своими руками сотворила нам проблемы. Каков масштаб этих последствий, мы тогда не понимали. Было ясно лишь одно: придётся лечить сына.

Нас направили в отделение патологии новорождённых в другую больницу. Мы поехали на скорой. Декабрь. Снежно и морозно. Но мне не холодно, потому что рядом сын. Его

так долго не было со мной. Я истосковалась. А теперь, сидя в карете скорой помощи, я не могла наглядеться на своего Гришу. Ему так шло это имя. Было сложно представить его Давидом или Петром. Муж сделал документы, и теперь у маленького человека были все бумажные пропуски в современный мир.

В детской больнице работали опытные врачи, к нам они относились с большим вниманием. Находиться там оказалось гораздо приятнее, чем в роддоме. Там я не чувствовала угрозы, там не было доктора Светы. Все мамы лежали со своими детьми. Я была частью материнского мира, в котором есть двухместные уютные палаты и доброжелательный персонал.

Мы проходили обследования, список диагнозов пополнялся. Это сильно давило на меня. Радость постепенно уступала усталости. В какой-то момент мне стало всё равно, меня захлестнуло равнодушие. Больше всего хотелось оказаться дома. Но сначала предстояла важная процедура. У Гриши на голове осталось несколько шишек, гематом. Их содержимое нужно было откачивать поэтапно. Этот факт меня не пугал, он как будто вовсе меня не затрагивал. Я просто ждала, когда всё закончится. Отстранившись от обидчика, от доктора, которую я долгие годы буду считать врагом, теперь я могла просто быть.

Через десять дней нас выписали. Чего ждёт новоиспечённая мама? Конечно, красивой выписки, фотографий. Мои

мечты были куда проще. Я просто представляла себя в своей кровати, в своей квартире, где уютно и тепло.

К выписке заранее были подготовлены все вещи: одежда для сына, одеяло, красивый пододеяльник с голубыми рюшами — бабушка сшила специально для первенца — и синяя атласная лента. Моя мама заботливо постирала и выгладила её. Приехал муж, передал пакет. Среди прочего не оказалось той самой торжественной ленты. Расстроилась ли я? Конечно. Но желание попасть домой перебивало разочарование от несостоявшегося праздничного образа. Медсёстры упаковывали сына в одеяло, но чем же перевязать, чтобы было удобно нести? Нашлась жёлтая пелёнка с пчёлками. Так и отправился домой Старый разбойник с жёлтыми пчёлами, прямо как сказочный герой.

Глава 4. Скоро всё пройдёт

Дом, милый дом. Детская кроватка. Обои и тюль с рисунками животных. Коляска, комод с новыми вещичками. Наконец-то мы в родных стенах! На следующий день после выписки приехали мама и сестра с мужем. На радостях мы сделали фото. Это были первые совместные снимки с родственниками. На выписке никто не фотографировался: мы с мужем покидали больницу очень быстро в надежде больше никогда туда не вернуться. Наивная душа. Я приеду в неё ещё не раз и не в одно отделение.

Первые ночи дома отличались от предыдущих больничных. Нас не было почти месяц, и всех ждала адаптация. Муж стал мощной поддержкой в то время. Он просыпался, брал Гришу на руки, подносил мне для кормления, менял подгузник, даже если тот был почти сухой. Он оберегал своего единственного ребёнка и заботился о нём, купая в любви. Я в это время могла перевести дыхание. Сын был беспокойным. Его сон был прерывистым, как бы сказали доктора. Список диагнозов говорил за себя — рассчитывать на спокойствие и безмятежность было бы глупо.

Моя «ночная опора» достаточно быстро сломалась — ведь утром супругу нужно было вставать на работу. И все ночные смены легли на мои плечи. Старый разбойник не собирался сдаваться. Раньше он будил детей по палате и персо-

нал, а теперь его целью стал целый жилой дом. Гришка орал так, что порой закладывало уши.

— Наверное, его мучают газы?
— Надо купить свечи и специальное лекарство.
— А может, зубы?
— Ну какие зубы? Ему же всего месяц.

У Гриши болела голова, так сильно, что он не мог уснуть. Маленькому созданию оставалось только звать не помощь. Но мы, взрослые, понятия не имели, что последствия беременности и родов могут выглядеть именно так. Ночами я качала сына сидя то на мяче, то на диване, то на кресле-качалке, ходила с ним из стороны в сторону по маленькой комнате. Ночью я становилась беспомощной измученной женщиной. Такими бывают абсолютно все новоиспечённые мамы. Но у мам здоровых малышей этот период заканчивается. Я тоже на это рассчитывала. Каждую ночь говорила себе, что нужно потерпеть ещё немного, всё скоро закончится.

Самое сложное оказалось быть сильной на следующий день. Я с трудом могла поднять себя с кровати. Истерики не заканчивались ночной сменой. Днём сын также не отличался спокойствием. Но в светлое время суток истерики переживались легче. Я отвлекалась на бытовые заботы. Со временем перестала каждый раз реагировать на плач Гриши. Я настолько была измотана, что у меня не оставалось никаких

сил, чтобы подойти к ребёнку. Каждый раз я всё отчётливее понимала, что не справляюсь с его криками. Я бессильна. Сын это чувствовал и звал на помощь ещё сильнее.

В месячном возрасте мы проходили медосмотр, как и все дети. Посетили в том числе невролога. Она предупредила, что есть проблемы по её части. «Мышечная дистония — это, как правило, не очень хорошо». Предложила попить лекарства и подойти на приём в три месяца. Мы исправно лечили Гришу. Но на очередном приёме у невролога врач выдала направление на госпитализацию. Так начались наши путешествия по больницам.

Пробыв дома, в своих уютных кроватях, не больше двух месяцев, мы снова оказались в медицинских апартаментах. Опытные врачи и благодарные пациенты внушали доверие. К нам в палату подселили соседей. Это была мама с четырёхлетней девочкой Машей. Кроватки детей оказались напротив. Поневоле я сравнивала их.

У Маши был ДЦП. Она лежала. Сидеть, стоять и тем более ходить она не могла. Её малоподвижное тело лежало так, как положит любящая мама. Рот был всегда приоткрыт, слюни непроизвольно текли прямо на одежду. Глаза смотрели в разные стороны, с трудом фокусируясь на окружающих предметах и людях. Я испытала испуг. Мой сын ведь не будет таким в четыре года? Девочка вызывала лишь страх. Об этом диагнозе мне тогда ничего было не известно.

Потом я переводила взгляд на кроватку с сыном. Он смот-

рел на игрушки, которые были развешаны перед лицом, тянулся к ним, улыбался. Его глаза периодически сходились к носу, но чаще выглядели обычно, как у всех. Потом я переводила взгляд на кроватку напротив. Снова — на нашу. Я пыталась убедить себя, что всё хорошо. Мне было важно понять, что мой сын нормальный, что мы не проиграли в войне с болезнью.

Мама Маши поделилась своей историей беременности и родов. Оказалось, что у Маши была сестрёнка, которая погибла внутриутробно. У этой женщины всё болело внутри, она плакала при одном воспоминании о страшных событиях. Мне стало её искренне жаль, и я находила слова утешения.

В то же время я чувствовала облегчение: «Слава богу, у нас не так». Сравнивая две совершенно несравнимые истории жизни, я делала выводы, что ДЦП обойдёт нас стороной. Я защищалась как могла. Гриша ведь уже пытается переворачиваться, много гулит и смеётся. Соседка каждый раз подтверждала: «Ой, вот-вот перевернётся».

В больнице нам назначили стандартный набор: что-то по типу парафиновых сапожек, электрофореза, уколов, массажа. В каждый из этих пунктов я безоговорочно верила. «Вот сейчас подлечимся и выздоровеем» — я искренне так считала. При выписке нас осмотрел заведующий.

— Какой замечательный парень.

— Доктор, у нас всё хорошо?

— Нужно усиленно лечиться. Есть риск ДЦП.

Мне казалось, от диагноза заложило уши. Немного закружилась голова, но я смогла устоять. Что это за риск такой? Гриша же не похож на соседку Машу. Какой ещё ДЦП? Спросить что-то у врачей мне не хватило смелости. Услышать в очередной раз три страшные буквы я была не готова. Мы получили выписку и рекомендации, а врач пригласила на лечение через три месяца.

Я так не хотела возвращаться в место, где была большая концентрация больных! Коридоры и процедурные кабинеты были заполнены такими детьми. Мне казалось, что мы не «такие». Так хотелось быть нормальными.

По приезде домой мы сразу пригласили опытного невролога. Слова заведующего звучали в голове перманентно. Эти три страшные буквы стали мощным пинком для действий. Нам непременно хотелось вылечить Гришу. Приехавшая на дом доктор заключила: «Родовая травма. Глаза умненькие. Нужно много лечиться». Она расписала курс лечения на ближайшие пару месяцев: массажи, физиолечение, уколы и таблетки.

Моей первой мыслью было: «Это всё доктор Светлана виновата!». Почему я должна сейчас исправлять её ошибки? Почему она осталась безнаказанной? Она живёт свою счастливую жизнь, а мы должны страдать. Несправедливо. Но доказывать кому-то свою правоту было не вовремя и ни к че-

му. Чего бы я добилась, сказав это доктору в лицо? Я вынашивала обиду внутри. Именно это чувство давало мне хоть какие-то силы. Да, неприятно. Но жить можно.

Я быстро уяснила, что переживать боль в движении легче. Я завела блокнот с наименованиями лекарств, дозами и графиком приёма. В голове появилось много задач: записаться на приём к врачу, получить направления на анализы, записаться на физиолечение. Массаж? Находим специалиста. Путь к выздоровлению, или марафон под названием «Только не ДЦП», начался.

В моей памяти часто всплывала Маша. Я вспоминала выражение её лица, как она внимательно смотрела на меня. Эта хрупкая девочка будто хотела сказать: «Не бойся, я не заразная!». А я боялась. Так принято в обществе — сторониться инвалидов. Почему? Иногда просто непонятно, как себя вести. Нас никто не учил, как нужно общаться с такими детьми и их родителями. В нашем детстве таких людей прятали дома за шкафом. Иногда нами движет страх. Если я игнорирую этого ребёнка, человека, диагноз, значит, его нет. Если посмотрю, в голову будут лезть разные мысли. А вдруг похожее случится со мной?

Тогда я рассуждала как многие люди в соцсетях. Как те, кто никогда не сталкивался с таким страданием. Я думала: «Знай я заранее, что у меня внутри ребёнок с тяжёлой патологией, я бы не решилась его родить».

Я в очередной раз заблуждалась. Бог покажет мне путь.

Он научит меня любить. Но позже.

Марафон продолжался. Казалось, что скоро всё пройдёт и к году обязательно выровняется. Гриша выздоровеет. Он будет нормальным.

Глава 5. Прыжок в бездну

Грише исполнился год. Он не выровнялся. Не стал обычным. А я не стала мамой здорового ребёнка. Целительная сила электрофореза и волшебных уколов никак нам не помогла. О чём я думала? О том, что буду дальше искать лекарство и «волшебный» метод реабилитации.

В ход шли все методы. Наша семья не обошла стороной и народных целителей, попросту — бабок. Мы в очередной раз поехали в родной город, чтобы навестить родственников. И там, в провинциальном городке, нашлась та самая бабка, которая «и не таких на ноги ставила». К ней приезжали со всей округи. Славилась бабка наследственным даром ясновидения и излечения. Конечно, мы надеялись, что и нашему сыну она обязательно поможет. Она проводила манипуляции, готовила блинчик, который потом должен был съесть Гриша.

Родители, погружённые в горе, готовы пойти на необдуманные поступки. Некоторые из них не соотносятся с образованием, статусом, занимаемой должностью. В моменты сильного страха и безнадёжности все люди будто становятся слабо мыслящими, узко думающими и сильно дрожащими. Мы были такими же. И, что важно, мы не могли по-другому. Эти поездки к разным целителям и псевдоврачам помогали выживать не Грише, а нам. Бесконечное движение, планиро-

вание поездок, употребление очередной волшебной пилюли давало возможность хоть ненадолго вдохнуть. И в эти редкие мгновения я ощущала настоящее счастье.

Я представляла Гришу бегающим, говорящим, здоровым и счастливым мальчишкой. И никто не смел отнять у меня эту надежду! Казалось, вот-вот сын пойдёт, заговорит. Но проходил месяц за месяцем, а он всё ещё не сдвинулся в развитии. Он стремительно отставал от сверстников. Да, все говорили про потенциал и умные глазки, но толку от этого было ноль.

Особенный ребёнок чуть старше года, сидя в коляске, внешне ничем не отличается от других детей. Только опытный глаз мог заметить разницу. Но среди мам на улицах вряд ли встретишь таких специалистов. Именно поэтому прогулки в тот период мне давались достаточно легко. Ты идёшь по улице с коляской. В ней сидит красивый голубоглазый малыш, машет рукой каждому прохожему, улыбается. Ну чем не норма? Значит, и я стандартная мама, не бракованная.

Но безжалостные врачи замечали все особенности сына. Примерно в полтора года нас направили на консультацию к главному неврологу. Она осмотрела Гришу и заключила спокойным голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.